

Колишер Леопольд Гаврилович

НА КАЖДОГО БЫЛО ПО ЧЕТЫРЕ БРОНЕБОЙНЫХ СНАРЯДА

Родился 3 апреля 1920 г. Москва. Русский. Был членом КПСС, ОСОАВИАХИМ. До войны окончил четыре курса Московского института инженерной связи, в 1941г.

Узнал о начале войны утром по любительской радиостанции.

Стал участвовать в боевых действиях по мобилизационному плану, по которому нам предписывалось прибыть в 770-й отдельный батальон связи. Задача батальона была вывезти с Центрального телеграфа все аппаратные и закольцевать московскую связь. Батальон связи находился в Химках. Я был, как и все студенты, в звании рядового. Батальон подчинялся министерству связи во главе с генералом Перешининым.

В середине октября должны были всех студентов отправить в Ташкент, но выехать не успели, и часть студентов попала в безопасный полк связи, располагавшийся в г. Мытищи, откуда укомплектовывались полки. Задержался на некоторое время, вел занятия с радистами, которых отправляли на фронт, — учил восстанавливать радиостанции. Участником боевых действий стал с мая 1942. Попал в 239-ю стрелковую дивизию, которая вела боевые действия в районе г. Тулы, на должность радиста на полковой радиостанции 668-го артполка. Дивизия в то время входила в состав 50-й армии, позднее 31-й.

Мой боевой путь был таким. Обеспечение выхода конницы Белова под Смоленском через линию фронта (май-июнь 1942). В июле дивизия участвовал в Ржевско-Сычевской операции по освобождению г. Ржева (31 апреля). В декабре 1942 дивизия была переброшена на Волховский фронт, где участвовала в прорыве блокады Ленинграда. После окончания зимних боев по прорыву блокады Ленинграда дивизия защищала различные участки обороны, а зимой 1944 участвовала в наступательных боях и освобождала г. Новгород и новгородские земли. Впоследствии в составе 1, 2, 3-го Прибалтийских фронтов дивизия вела боевые действия в Прибалтике, после чего была переброшена в составе 59-й армии и участвовала в боях по освобождению Польши и овладению Германией. Боевые действия дивизия закончила в районе Праги.

Участвовал в освобождении:

- Ленинграда (1943 г., прорыв блокады);
- Новгорода и новгородских земель (1944 г.);
- Прибалтики (лето-осень 1944 г.);
- Польши и Германии (март 1945 г.).

Бои закончил в 20 км от Праги, спустя неделю после окончания войны, в составе 59-й армии, в звании техника-лейтенанта.

Были легкие ранения и контузия.

После окончания войны 668-й артполк входил в состав бригады, которая несла гарнизонную службу в г. Вена. Был демобилизован в конце 1945 года и направлен для продолжения учебы. Летел из Вены на самолете.

Демобилизовался в Москве, продолжил учебу и одновременно работал на военном заводе инженером. В 1947 году закончил институт и был направлен в КБ министерства авиационной промышленности инженером.

Награжден:

- медалью «За отвагу» (1943 год, за прорыв блокады Ленинграда)
- орденом Красной Звезды (1944 год, за бои по освобождению Новгорода и новгородских земель)
- орденом Отечественной войны (за бои по освобождению Польши и Чехословакии)
- орденом Ленина
- орденом Красного Знамени
- орденом Знак Почета

- медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу», и др.
- медалью лауреата Государственной премии за работы в области авиационной и космической промышленности.

* * *

Поздняя осень 1942 г. Закончилась Ржевско-Сычевская операция. 239-я дивизия в глухой обороне, недалеко от Ржева. Город так и не взят, но наиболее короткий путь немецким дивизиям на Москву из Ржева ликвидирован.

В этих боях дивизия участвовала в составе 31-й армии. Эшелонами она была перебазируется из-под Смоленска в Можайск (через Москву), где и разгружалась. Приказом от 18 июля 239-я СД передается 31-й армии, дивизии ставятся задачи не допустить отхода немцев из треугольника Мозурово, Михельки, Курьково и к исходу дня 4 августа овладеть районом Молозино—Хожлево.

Идут тяжелые бои под Сталинградом, а на нашем участке фронта полное затишье, стоим в глухой обороне. Приходит приказ сдать оставшиеся после наступления снаряды и горючее. Ночные заморозки немного улучшают тонущие в грязи дороги, и где повозками, где грузовиками начинается вывоз снарядов. Горючее с автомашин и тягачей носим на себе в ближайший пункт приема у железной дороги. Сливаем его в немецкие двадцатилитровые канистры, и в путь, поутру, километров десять.

Водитель нашей радиостанции Семен Усачев особенно расстроен приказом, и не от трудной дороги, по которой он шагает с канистрой на плече, а оттого, что автомобиль без горючего — одна обуза: «Взрывать его, что ли будем, если что?» Нас предупреждают: «Если не сдадите все горючее — под трибунал». Оставляем заначку литров 10, хорошо маскируем ее. Со снарядами еще хуже: разрешили оставить по четыре бронебойных на каждое оружие. Батареи минируем противотанковыми минами.

Ночи темные такие, что если на несколько шагов отойдешь, то не найдешь свой окоп или блиндаж. Немцы, и те не пускают осветительных ракет, боятся, что мы сразу засечем их позиции. Ночью и днем необычная для прифронтовой полосы тишина, радиобмена почти никакого, радисты свободны и помогают нашему водителю.

Включаемся каждые полчаса на несколько секунд, для проверки связи. Экономим питание. Телефон работает только когда к нам за-

ходит командир полка или кто-то из офицеров штаба. Так случилось и в этот день, когда в 12 часов дня зашел командир полка подполковник Лишко. Я один находился на радиостанции и отрапортовал, что связь с дивизией надежная и что от начальника артиллерии дивизии сообщений нет.

С его разрешения разжег маленькую печурку, которая была в нашем фургоне. Командир полка не надолго отлучился, пошел проверить батарею 320-го дивизиона, в полсотне метров от нас. Когда он вернулся, в машине было уже тепло. Увидев дымок, собрался весь экипаж, чтобы обогреться. Посмотрев на нас, комполка сказал: «Не умываетесь, что-ли? Совсем обовшивели!» А в бане мы не были уже больше полугода. Хорошо еще, по ночам можно было помыться в речке. Командир нам посоветовал хотя бы белье постирать, пока лужи не замерзли.

Большой охоты возиться с бельем в холодной, мутной воде у нас, естественно, не было. Но поручение командира — закон. Я и водитель приступили к делу первыми. Оставшись в одних шинелях на голое тело, стали стирать. Не успели развесить постиранное белье, как с переднего края стала доноситься стрельба. Через несколько минут с переднего края прибежали два наших радиста и сообщили, что левее появились два танка, наша пехота с переднего края ушла и в траншеях никого нет.

Все это слышал наш командир полка. Он приказал нам с Усачевым взять автоматы. Мы подчинились. Командир поставил беглецов-радистов у воронки, где только что стирали белье. Произнес несколько слов из приказа 227, известного как «ни шагу назад», и велел изготовить оружие к бою. Все произошло так быстро, что я даже не услышал приказа: «Целься!». Слезы застилали глаза, и я только подумал, неужели мы их убьем? Но последовал приказ: «Отставить!», и командир приказал нашим радистам немедленно вернуться на прежнее место и немедля связаться с нашей рацией.

Не успели мы вернуться в радиостанцию, как наши орудия открыли огонь по танкам бронебойными снарядами. Командир велел передать, чтобы немедленно прекратить огонь и подождать, пока танки подойдут ближе к батарее. Я передал эту команду, и в дивизионах стрельба затихла.

Назойливо лезла мысль в голову: а может, немцы знают, что у нас только по 4 бронебойных снаряда на орудие. Появился еще один танк, правее нас он что-то устранил на переднем крае. Два других танка

слева продвигались в нашем направлении. Огневые позиции не были приспособлены для стрельбы прямой наводкой, они были заглублены еще со времени наступления.

Но вот раздался выстрел, за ним другой, и один из танков загорелся. Хорошо было видно, что экипаж покидает его. Опять открылась беспорядочная стрельба. Оставшийся слева танк стал отходить. Его примеру последовал и танк справа. Двое танкистов из подбитого танка были захвачены в плен. Они рассказали, что немецкую дивизию, стоящую в обороне против нас, сменяет другая дивизия, а их задача — отвлечь наше внимание.

Неприятный осадок от действий нашего командира полка (когда он приказал расстрелять беглых радистов) полностью исчез на следующий день, когда начальник связи полка нам все разъяснил. Это сняло тяжесть с наших сердец.

Мы любили нашего командира полка. Он был строгим и требовательным человеком, но смелость его и умение управлять огнем восхищали нас. Что стоило только посмотреть, как он верхом выезжал на рекогносцировку, и никакой обстрел не мог его заставить изменить этот ритуал!

Погиб он, когда наша дивизия прорывала блокаду Ленинграда со стороны Волховского фронта. Светлая ему память!

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Машков Егор Олегович*, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета